

Kate Chenli

A BRIGHT
HEART

Кейт Ченли

ЯСНОЕ СЕРДЦЕ

*Перевела с английского
Анна Тихонова*

POPCORN BOOKS

Москва

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)-44
443

A BRIGHT HEART
Kate Chenli

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Ченли, Кейт.

443 Ясное сердце: роман / Кейт Ченли ; пер. с англ. А. Тихоновой. — Москва : Popcorn Books, Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-907696-88-4

Миньсин перехитрила трех принцев, чтобы помочь Рену, которого она любила, стать королем. Но, добившись своего, Рен предает ее и приказывает убить. Испуская последний вздох, Миньсин обращается к богам с отчаянной мольбой повернуть время вспять и дать ей шанс все исправить.

Очнувшись двумя годами ранее, Миньсин клянется: Рен никогда не станет королем, а она никогда не позволит себе еще раз влюбиться.

Однако в этом временном отрезке что-то переменилось: чиновник, одаренный темной магией, угрожает королевству, а жажда власти Рена переходит все мыслимые границы.

В борьбе за справедливость Миньсин объединяется с еще одним претендентом на трон, принцем Джие. Может ли Миньсин доверять ему, как когда-то доверяла Рену? И получится ли у нее предотвратить... собственное убийство?

УДК 821.111

ББК 84(7Сое)-44

© Анна Тихонова, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство Эксмо», 2025

Popcorn Books®

Text © 2023 Kate Chenli

Cover illustration © 2023 Union Square & Co., LLC

ISBN 978-5-907696-88-4

*Посвящается Дону,
моему источнику вдохновения,
моей опоре*

ГЛАВА 1

Мой крик отдается эхом от замшелых стен подземелья.

Истязатель наклоняется ко мне, и я чувствую его зловонное дыхание.

— Спрашиваю в последний раз. Ты признаёшься в покушении на короля?

Я с трудом отрываю голову от влажного каменного пола, залитого моей же рвотой. Тело пронзает болью, и перед глазами все плывет, но я собираю волю в кулак и смотрю своему мучителю прямо в глаза. И хотя горло у меня пересохло так, словно в него набили песка, я еще могу прохрипеть последнее «Нет».

И плюю ему в лицо. Кровавая слюна попадает на его узкие губы.

Он ударяет меня с такой силой, что голова дергается в сторону и в ушах звенит. А потом утирает кровь рукавом и рычит:

— Гнусная предательница! Скоро ты получишь по заслугам.

Истязатель машет двум рослым стражникам, и они с силой поднимают меня на ноги. Босые ступни касаются хо-

лодного пола, а сломанные ребра врезаются в плоть, и я едва не теряю сознание.

Меня выволакивают из темницы под громкий глумливый смех, но он звучит словно издалека. За дверью нас встречает волна морозного воздуха, и ветер впивается в мою истерзанную бичеванием кожу подобно ледяному клинку. Ее почти ничто не прикрывает — лишь тряпки, некогда служившие мне одеждой, прилипшие к телу. Меня пробирает сильная дрожь.

Перед нами стоит пустой экипаж с кучером. А вдали, за вихрем падающего снега, маячат высокие стены тюрьмы.

Меня бросают на пол экипажа, и тот трогается с места. Я сжимаюсь в комочек, гадая о том, куда попаду теперь. Вероятно, на казнь?

В памяти всплывает безжизненное тело придворной дамы Баи, свисающее с балки в ее камере. Еще вчера она жарко прошептала, глядя на меня горящими глазами: «Мы все умрем. Придворные дамы, принцы и ты. Рен обвинил всех нас в предательстве. В том, что все мы в заговоре против него».

Нет, она ошибалась. Рен никогда не заподозрил бы меня в покушении на его жизнь. Он доверял мне больше всех на свете.

В то же время он позволил бросить меня в подземелье, не дал мне возможности и слова сказать в свою защиту. И не пришел ни разу за все эти три дня. Неужели не знал о том, как меня пытали?

Злоба, нараставшая в груди, взрывается бурей. Почему ты не вызволил меня отсюда, Рен? Как ты мог, после всех слов любви, после всех твоих клятв, оставить меня на растерзание тюремщикам?

Ты все-таки предал меня? И не зря в последние месяцы во мне зародились подозрения?

Резкий вдох отдается жгучей болью. Грудь словно раскалывается надвое от этих мыслей — слишком мрачных, слишком жестоких. Нет, нельзя терять надежду. Это все, что у меня осталось.

Экипаж тормозит, кучер перебрасывается с кем-то парой слов, и мы едем дальше. А когда снова останавливаемся, снаружи слышатся тяжелый стук и чьи-то шаги. Меня вытаскивают наружу, и с моих сухих губ срывается мучительный стон.

Кучер бросает меня на снег и разворачивается.

— Стой, — зову я, содрогнувшись. — Зачем меня... сюда привезли?

Он ничего не отвечает и спешит к своему экипажу, даже не оглянувшись. Запрыгивает на козлы и уносится прочь.

Значит, так я погибну? Замерзну до смерти? Я пытаюсь подавить волну паники и оглядываюсь. Громадное здание с деревянными колоннами, красными поперечными балками и желтой черепицей, извилистые мощные дорожки, вечнозеленые растения в ухоженных двориках.

Меня привезли во дворец.

Я подползаю к нижней ступеньке широкой длинной лестницы. Она ведет к тронному залу, где Рен каждый день проводит аудиенции.

Я оборачиваюсь, услышав, что захрустел снег. Ко мне подходят два стражника и волокут за собой, как тюремщики незадолго до этого. Покрытые льдом каменные ступени царапают кожу, вскрывая свежие раны, и, хотя мое тело онемело от невыносимого холода, я все равно чувствую дикую, нестерпимую боль.

Стражники оставляют меня наверху и возвращаются на свои посты.

На пороге мерцающего мрамором тронного зала возникает чей-то силуэт, и я вздрагиваю. Он стоит спиной ко мне,

в одеяниях с узором из золотых драконов с пятью когтями — такие имеет право носить лишь монарх.

Рен! Любовь всей моей жизни. Тот, кому я помогла стать королем Дачжоу. Наконец он послал за мной.

Рен вытягивает руку и откидывает голову назад, словно паря над королевством, наслаждаясь ощущением того, что все это принадлежит ему. Несколько секунд спустя он разворачивается и приближается ко мне.

Он прекрасен, как всегда. Карие глаза с золотым оттенком, блестящие черные волосы, идеальный профиль — такой, с каких пишут картины и ваяют скульптуры. Но пропала его теплая нежная улыбка, всегда сиявшая для меня. На ее месте застыла маска бессердечия.

Мое сердце, уже окрыленное надеждой, обрушивается в бездну с подрезанными крыльями.

Я тянусь к тому, кто обещал сорвать для меня звезды с неба, и хриплю:

— Прошу... воды...

Он отстраняется.

— Убийца сознался, что его наняла ты вместе с моими братьями, — произносит Рен. Эти слова режут меня как ножи. Я не могу поверить, что они слетают с его губ.

— Нет. Я заслонила тебя от удара... своим телом. Ты сам это видел.

Я с трудом сгибаю руку, чтобы показать на раненое плечо. Его пронзил клинок убийцы, но никакая боль не могла сравниться с той, что пронзила мне сердце.

— Мы собирались пожениться, — напоминаю я с мольбой в голосе. — К чему мне тебя убивать?

— Ты всерьез думала, что я сыграю свадьбу с дочерью торговца? После того как мы избавимся от всех предателей, я обвенчаюсь с Айлин и сделаю ее своей королевой. Она ве-

личественная женщина из благородной семьи, идеальная супруга для правителя. Признаться, я с самого начала хотел заполучить именно ее.

Рен словно вырывает мое бьющееся сердце из груди, и я судорожно вдыхаю, сдерживая слезы. Даже самые простые слова даются мне с трудом:

— Ты воспользовался мною, мерзавец. И никогда меня не любил?

— Мне два года пришлось глядеть на твое скучное, невзрачное лицо и говорить жалкие слова любви, изображая пылкую страсть. Как же меня от этого тошнило!

От его слов весь мой мир рассыпается в пыль. Я подозревала, что чувства Рена к Айлин не просто дружеские, но приписывала эти мысли неуверенности в себе и ревности к очаровательной двоюродной сестре.

— Айлин меня любит, — яростно говорю я. — Она бы так со мной не поступила.

Сестра ухаживала за мной после нападения убийцы, когда я лежала в постели с раной. Да, она не вступилась за меня, когда пришли стражники, но, наверное, просто побоялась.

Рен усмехается:

— Для нее уже шьют свадебное платье.

Свадебное платье. Я закрываю глаза, представляя ткань цвета моей крови.

— Ты заставил Айлин согласиться на брак, — бросаю я ему в лицо.

— Думай как хочешь, — отмахивается Рен. — Все равно до свадьбы ты не доживешь, предательница короны.

Кажется, земля подо мной разверзается. Он желает мне смерти. Почему? Даже если в его сердце нет любви, он мог сохранить мою жизнь, приняв в королевский гарем, и вечно

обходить меня вниманием, чтобы я медленно увядала в одиночестве и унижении.

Волна ярости набирает силу и срывается с языка:

— Ты разыграл покушение на свою жизнь, чтобы обвинить меня и своих братьев. Хотя я так тебя любила и помогала во всем... За что ты столь сильно меня ненавидишь?

— Злые языки говорят, что без твоего богатства и хитростей я никогда не стал бы королем, — ядовито шепчет Рен. — Что ж, вот оно — наказание за заносчивость. Мои братья считали себя умнее, лучше меня. Но я возвышаюсь над всей страной, пока они ждут своей казни.

Последние слова придворной дамы Баи отзываются в памяти: *Этот шарлатан обманул всех нас. Даже своего покойного отца. Все поверили в его образ милосердного, безобидного человека — и горько за это заплатились.*

Рен оказался талантливым обманщиком. И сейчас мог глумиться надо мной сколько угодно, пока рядом нет ни души.

Я прикусываю губу до крови. После смерти матери мне отчаянно хотелось найти любовь и создать свою семью, и я держалась за Рена, несмотря на все свои сомнения в искренности его чувств.

Моя рука в отчаянии метнулась к амулету из камня, папиной семейной реликвии. Я носила его на шее с самого детства, поскольку отец верил в мой потенциал. Сам по себе камень не представлял ценности ни для кого, кроме меня самой, поэтому тюремщики его не тронули.

Я прежде никогда не молилась, но в эту минуту жала кулон в ладони, горячо воззвала ко всем богам, ко всем священным силам и взмолилась о том, чтобы мне даровали второй шанс, дали возможность все исправить.

— Ты чудовище, — рычу я с глубокой ненавистью, что кипит в груди и раскаляется добела, когда в ответ Рен лишь

пожимает плечами. Тогда я добавляю с издевкой: — Придворная дама Баи сказала, что принц Джие сбежал.

Самодовольное выражение слетает с лица Рена, и его черты искажаются. Он хватается меня за подбородок с такой силой, что из моей груди вырывается стон.

— Я поймаю Джие и раздавлю его так же, как тебя. По праву я — король. А он — ничто, грязь под ногами.

На секунду мне кажется, что Рен вот-вот меня задушит, но он с улыбкой отнимает руку.

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу это ничтожество. Поэтому упомянула о нем, да? — Его улыбка становится еще более зловещей, когда он добавляет: — Позволь и мне поделиться с тобой небольшим секретом, шавка. Смерть твоей матери — вовсе не несчастный случай, как заверял тебя твой дядя. Он подговорил твоего двоюродного брата Бо утопить ее. После того как она отказалась передать ему дело своего мужа.

О чем это он? Я дрожу всем телом.

— Нет. Нет. Ты лжешь.

Мне никогда не нравился скользкий характер дяди Йи, но я не верила, что он способен на убийство родни. Однако по едкому смеху Рена поняла, что это правда.

С моих губ снова слетает стон. Не знаю, откуда во мне нашлись силы, но я бросаюсь на Рена. Он отскакивает, но запоздало, и мои ногти оставляют две кровавые борозды на его щеках. Жаль, глаза не удалось выцарапать.

С ревом он толкает меня кулаком в грудь, мои ребра хрустят, и я отлетаю назад. «Нет, нет, — взываю я к духам своих предков, — я не могу так просто умереть! Нет, прошу вас!»

Я скатываюсь вниз по ступенькам к подножию лестницы и падаю у чьих-то ног. Передо мной стоит моя двоюродная

сестра, прекрасная Айлин, в роскошной шубке из шкуры белой лисы... А, узнаю эту шубку.

Айлин смотрит на меня как на заразную крысу. Собрав последние силы, я кричу в небо:

— Высшие силы! Даруйте мне второй шанс, и я все исправлю, чего бы мне это ни стоило!

Меня окружают вспышки красочного света, почти такого же яркого, как солнце. По телу проходит волна энергии и уносится далеко-далеко.

Такая величественная, такая могущественная, такая...

Бескрайная тьма покрывает меня с головой.

ГЛАВА 2

Я вскакиваю в постели с криком.

Что произошло? Где я?

Мой крик обрывается.

На мгновение я застываю в пустоте.

Что это — смерть?

Размытые очертания в момент становятся резкими.

Куда мы попадаем после смерти?

Я осматриваюсь. Хриплое дыхание отзывается в ушах.

Кровать с балдахином заправлена гладким чистым бельем и пуховым одеялом с вышивкой. Рядом есть большой комод, шкаф и туалетный столик. За дверью — ванная комната. В паре футов от подножия кровати в переносной печи тлеют угли. Стены покрыты панелями из полированного красного дерева, загадочно мерцающего в утреннем свете, и увешаны картинами: на полотнах выведены иероглифы, чернилами изображены горы, леса и цветы. На прикроватном столике лежит открытая книга с золотым корешком.

Меня всю сотрясает дрожь, когда приходит осознание, что это за место. Комната, в которой я жила два последних года перед смертью.

Как я оказалась в ней в загробной жизни?

Я обвожу себя взглядом и потягиваюсь. Все раны и царапины пропали. Возможно потому, что моя душа пересекла границу между мирами? Я прижимаю ладонь к груди и чувствую ритмичное биение под пальцами. Разве у призраков есть сердце?

Я читаю название книги, выведенное черными чернилами: «История континента». Одна из моих любимых тем...

Деревянная дверь распаивается, и в комнату вбегают девушка.

— Вы в порядке, госпожа?

— Май? — выдыхаю я, сразу узнав ее по круглому лицу и большим глазам.

Май была моей личной служанкой до того, как Айлин поймала ее на краже. А за такое преступление обычно отрубает руку.

Я чувствую укол совести, поскольку тогда поверила слову Айлин, а не мольбам служанки, заверявшей меня в своей невиновности. Хотя я все же не позволила отрубить ей руку, наместник дяди продал Май торговцу прислугой.

Неужели мы воссоединились в загробной жизни?

Я уже собираюсь попросить у нее прощения, но Май бойко подбегает ко мне и спрашивает:

— Вам снился кошмар, госпожа?

А затем оборачивается с поклоном:

— Госпожа.

Май отступает, пропуская другую гостью, и мое сердце замирает. Я прижимаю к нему ладонь, взывая к небесам. Чего бы я только не отдала, чтобы увидеть ее вновь!

Одно долгое великолепное мгновение я смотрю на маму, не веря своим глазам, и пульс бьется у меня в висках.

Она встает подле меня, гладит по щекам и хмурится:

— Я слышала, как ты кричала. Что случилось, *синьар*?

Это ласковое обращение, которое я слышала лишь от родителей, окончательно сломило меня. Я обхватила маму за пояс обеими руками и расплакалась.

— В чем дело, *синьар*? Ты меня пугаешь.

— Я скучала по тебе, мам, — всхлипываю я в ответ.

Она гладит меня по спине:

— Глупышка. Мы же только вчера виделись.

Не может быть. Я простилась с ней полгода назад. И никогда не забуду, как упала на колени перед ее разбухшим телом, выловленным из темного пруда. Неподвижным, холодным. Как обхватила бледное лицо ладонями и рыдала над ним, рыдала, пока не лишилась сознания от измождения и горя.

Но сейчас она теплая, живая. Ее касания нежные, заботливые. Мне не хочется никогда ее отпускать. Я поднимаю взгляд и смотрю в мамино лицо — ясное, красивое, здоровое.

Должно быть, мы все попали в рай, но почему мама и Май ведут себя так, будто еще живут в прошлом? Покосившись на книгу, я вспоминаю, что читала ее по вечерам в первые месяцы после того, как мы с мамой переехали в дом дяди Йи. Почему она перешла в загробный мир вместе со мной?

Я ловлю свое отражение в зеркале на туалетном столике. Щеки у меня еще немного пухлые, как в более ранней юности.

Последние мгновения перед смертью мелькают в памяти.

Я взмолилась о возможности все переделать, о втором шансе на жизнь. Ответом мне послужил слепящий свет, по телу прошла волна энергии.

Сердце бьется чаще от невозможной мысли.

— Какой сейчас год, мам?

Она хмурится, но отвечает:

— Сто пятый год, двадцать первый день месяца эр, династи Цзинь.

И снова осматривает меня.

Сто пятый год. От волнения у меня кружится голова. Неужели боги ответили на мои молитвы и отбросили меня на два года назад? В двадцать первый день месяца эр, когда прошло ровно две недели с нашего приезда в столицу, Цзиньси, и месяц с моего шестнадцатого дня рождения, когда я официально перестала считаться ребенком.

Мама касается моего лба:

— Как ты, *синьар*? Мне позвать врача?

— Нет-нет, все в порядке, — отвечаю я, но мама крайне проникательна и не успокоится, пока не услышит правдоподобное объяснение моему странному поведению. — Мне снился папа. Вся наша семья была вместе, и сон казался таким реалистичным... что я подумала, проснувшись, может, сейчас еще те дни, когда папа был жив? Знаю, это глупо, но... я скучаю по нему, мам.

Мои слова звучат искренне, поскольку это правда. Я мечтала о том, чтобы вернуться в прошлое, когда со мной были мои родители.

— Мне тоже его не хватает, — со вздохом произносит мама.

Мы замираем в объятиях друг друга, в общей скорби и нежности.

Я не хочу расстраивать маму, поэтому улыбаюсь ей и говорю:

— Мы есть друг у друга, мам, и я очень тебя люблю. Обещаю, я сделаю тебя самой счастливой.

— Я тоже тебя люблю, *синьар*. И уже очень счастлива благодаря тебе.

Она легонько касается моей груди, и от этого жеста по ней разливается тепло. Он напоминает о значении моего имени, Миньсин: *ясное сердце*.

От слез щиплет глаза, и я поспешно отворачиваюсь. И только тогда замечаю верную служанку моей матери, Нинь, утонувшую вместе с ней. После слов Рена я подозреваю, что Бо утопил и ее тоже.

Теперь я не позволю вам умереть. И уж точно не от рук этих чудовищ. Жгучая ненависть прожигает меня насквозь. Я опускаю голову, чтобы никто не увидел, как пульсируют вены на моей шее, как горит лицо.

Рен, дядя Йи, Айлин, Бо. Я обрушу на вас бурю возмездия. Вы почувствуете на себе всю ее мощь, и она сокрушит всех, кто встанет на моем пути.

— Уже утро, девочка моя, — говорит мама. — Поднимайся.

Она гладит меня по щеке и уходит из комнаты.

Маи отправляется наполнить умывальник, а я встаю с кровати и подхожу к зеркалу в полный рост. Снимаю ночную сорочку, расправляю плечи и смотрю на хрупкую шестнадцатилетнюю себя.

Значит, боги подарили мне второй шанс? Сомнения нарастали во мне по мере того, как я размышляла над происходящим.

Легенды гласят, что боги покинули наш мир много веков назад и больше не тратят время на дела человеческие. Поэтому я впервые помолилась им лишь в сумерки своей жизни. С чего бы им вмешиваться в ход времени ради девчонки из обычной семьи, которая никогда их не почитала и никому не важна, кроме ее собственных родных?

Дыхание перехватило. Если это не силы богов, то, может, магия?

Я качаю головой, пораженная своими выводами. Магией обладает лишь народ нанью, и я даже вообразить себе не могу, что за заклинание способно повернуть время вспять.

Та завеса яркого света, пульсирующая энергией... Правда ли я ее видела, или это лишь мираж, возникнувший передо мной на грани жизни и смерти? Та сила казалась такой реальной, ощутимой...

Я вздыхаю. Надо разгадать эту загадку, но ответы просто так не найдутся.

Я подношу к глазам кулон, выкрашенный в пять цветов. Это скромное украшение, но для меня оно дороже всех сокровищ мира. В минуты отчаяния папин подарок всегда придает мне сил.

Мне было всего три, когда я получила семейную реликвию. «Ты достойна этого сокровища, *синьяр*, — сказал отец, вверяя ее мне. — Охраняй его, и однажды я расскажу тебе о нем».

Тогда я гордо вздернула подбородок и расплылась в улыбке. И с тех пор всегда носила кулон на себе, снимая лишь для того, чтобы принять ванну.

К сожалению, отец не успел рассказать мне историю кулона. Он умер от болезни и унес эту легенду с собой в могилу.

Я подавляю всхлип. *Мне очень тебя не хватает, папа. Покойся с миром. Клянусь защищать маму, как только смогу.*

Моя служанка возвращается с теплой водой, и я умываю лицо и руки и вытираю их чистым полотенцем. Май помогает мне одеться в изумрудное шерстяное платье с серебряной вышивкой и повязывает мне на пояс шелковую ленту. На улице еще холодная, ранняя весна, и Май дополняет мой наряд сиреневым бархатным халатом.

По моей просьбе Май завязывает мне несколько тонких косичек и сплетает их в пучок. Чтобы его закрепить, я выбираю золотую шпильку, на которой висит несколько жемчужин.